

История русской литературы

Александр ВАСЬКИН

ПОХОЖДЕНИЯ РУССКОГО МЮНХГАУЗЕНА

Перечитывая графа Ростопчина

Двести лет назад не было в России более непопулярного человека, чем граф Федор Васильевич Ростопчин. По числу критических высказываний в свой адрес он затмил даже Баркляя де Толли. Именно с именем Ростопчина современники связали сдачу Москвы французам и последующий ужасный пожар, спаливший три четверти зданий Первопрестольной. Мало изменилась трактовка деяний графа и в дальнейшем, причем свою роль здесь сыграло презрительное отношение к нему Льва Толстого.

А ведь Ростопчин и сам был недюжинным писателем, произведения которого высоко оценили Белинский, Вяземский, Герцен... Правда, писал он, нередко приукрашивая действительность. Достаточно сказать, что одно из основных его произведений называется «Правда о пожаре Москвы», но правды-то оно и не содержит.

А какой он был выдумщик! Например, получив от императора Александра I должность генерал-губернатора Москвы, Федор Васильевич попросил государя назначить ему самое высокое жалованье, чтобы затем отказать-

ся от него, дабы произвести на москвичей неизгладимое впечатление. Отдавая приказ о поджоге Москвы, хитрец Ростопчин сумел каким-то образом сберечь от пожара свой роскошный, пребывающий нынче в руинах дворец на Лубянке. Артистическая натура графа позволяла ему, по собственному выражению, всю жизнь играть «героев, тиранов, влюбленных».

Сегодня мы перелистаем страницы некоторых его забытых сочинений, тем более что и время для этого подходящее — только что отмеченный юбилей событий двухсотлетней давности, к которым Ростопчин имеет самое непосредственное отношение.

С редкой тщательностью и смелой непосредственностью описал Ростопчин на бумаге все, что происходило с ним в жизни. Причем поскольку жизнь эта протекала неподалеку от царского трона (а иногда и слишком близко к нему), то сочинения графа носят характер не только автобиографический, но и хроникальный.

Родился будущий поджигатель Москвы в...

Впрочем, дадим слово ему самому: «В 1765 г., 12 марта, я вышел из тьмы и появился на Божий свет. Меня сместили, взвесили, окрестили. Я родился, не ведая зачем, а мои родители благодарили Бога, не зная за что. Я вышел из тьмы и появился на Божий свет». Столь остроумная автобиография заключена в вышедшем в 1839 году ростопчинском сочинении — «Мои записки, написанные в десять минут, или я сам без прикрас». Правда, биографы Ростопчина считают по-другому, ссылаясь на год рождения, выбитый на его надгробном камне на Пятницком кладбище Москвы, — 1763-й.

Еще более интересно обозначил граф и место своего рождения, написав на одном из своих портретов: «Он в Москве родился и ей он пригодился». Официальная же энциклопедическая биография его гласит, что Ростопчин появился на свет в селе Косьмодемьянское Ливенского уезда Орловской (в то время Воронежской) губернии.

Попробуем разобраться. Рождению столь противоречивых фактов из своей биографии отчасти способствовал и сам герой нашего повествования, приложивший руку к

«изваянию» своего образа в собственных сочинениях, в которых он напустил немало словесного тумана, создавшего определенные трудности для потомков.

Ростопчин порою и сам удивлялся, насколько разнообразным и красочным выглядит калейдоскоп мнений современников о нем:

Что ж касается именно до меня, то и конца бы не было, если бы я хотел говорить о всех глупостях, сказанных на мой счет: то иногда я безызвестного происхождения; то из подлого звания, употребленный к низким должностям при Дворе; то шут Императора Павла; то назначенный в духовное состояние, воспитанник Митрополита Платона, обучавшийся во всех городах Европы; толст и худошав, высок и мал, любезен и груб... Что же касается до моего происхождения, то... я скажу, что родоначальник нашей фамилии, поселившейся в России назад тому более трех столетий, происходил по прямой линии от одного из сыновей Чингис-Хана¹.

Вот так, ни больше ни меньше. Не Рюрика, а великого полководца и основателя Монгольской империи видел своим предком Ростопчин. Откуда вообще пошла такая фамилия? Есть две гипотезы ее происхождения. Свой вариант толкования слова *Растопча* приводит Владимир Даль в толковом словаре: «*Растопча* (*растопша*) — ротозей, разиня, олух». Несolidное какое-то происхождение получается. Да и олухом Ростопчина никак нельзя называть. Ближе ему была бы другая версия, согласно которой в основе фамилии Ростопчина лежит название одной из самых древних профессий — *растопник*, *растопщик*, то есть тот, кто зажигает огонь. Вот и не верь после этого в предназначения!

Ох, недаром авторитетный языковед Б. Унбегаун, автор «Словаря русских фамилий», отмечает, что русские фамилии обычно образуются от «прозвищ, даваемых человеку по его профессии, месту проживания или каким-

¹ *Ростопчин Ф. В.* Правда о пожаре Москвы. М., 1823. С. 27—28.

либо другим признакам». Правда, фамилии Ростопчин в этом словаре нет, что неудивительно, ведь Федор Васильевич был тем русским, которого не надо долго скрести, чтобы отмыть в нем татарина. Как-то император Павел спросил его:

- Ведь Ростопчины татарского происхождения?
- Точно так, государь, — ответил Ростопчин.
- Как же вы не князя? — уточнил он свой вопрос.
- А потому, что предок мой переселился в Россию зимою. Именитым татарам-пришельцам летним цари жаловали княжеское достоинство, а зимним жаловали шубы².

Отец нашего героя, зажиточный помещик, отставной майор Василий Федорович Ростопчин, широко известен был разве что в пределах своего уезда. В отсутствие рано умершей супруги его детей выращивал конгломерат воспитателей: нянька, священник, учивший словесности, и гувернер-иностранец (по всей видимости, француз, так как ненависть к галлам Ростопчин пронес через всю жизнь).

Подрастающего Феденьку воспитатели учили «все-возможным вещам и языкам». Описывая свое детство, Ростопчин довольно безжалостен к себе, отрекомендовав себя «нахалом и шарлатаном», которому «удавалось иногда прослыть за ученого»: «Моя голова обратилась в разрозненную библиотеку, от которой у меня сохранился ключ». Как мы убедимся в дальнейшем, это одно из самых редких — нехарактерных для Ростопчина — проявлений самокритичности.

В десять лет началась его военная служба в лейб-гвардии Преображенском полку, в итоге к 1789 году он добрался по служебной лестнице до чина капитан-поручика.

Свой «домашний» запас знаний Ростопчин серьезно пополнил во время пребывания за границей в 1786—1788

годах, проехав Германию, Францию, Англию. Слушал лекции в университетах Лейпцига и Геттингена (кстати, последнее учебное заведение было весьма популярно среди либеральной дворянской молодежи Европы).

Итогом пребывания за границей стало формирование Ростопчина как весьма просвещенного представителя своего поколения. Он занимался не только гуманитарными науками, изучением иностранных языков, но и посвящал время математике, постижению военного искусства.

В дальнейшем по мотивам своего пребывания за границей граф напишет «Путешествие в Пруссию» — сборник путевых заметок о немецкой жизни, стиль которого получит высокую оценку критиков XIX века: «Какой живой, искусный, чисто русский рассказ!»

Из дневника, который Ростопчин вел в Берлине в 1786—1787 годах, мы узнаем о том, что его часто принимали в доме у российского посла С. Румянцева, который ввел его в высшие слои местного общества. А в ноябре 1786 года Ростопчин сделал дневниковую запись о своем посвящении в масоны — факт малоизвестный, его Федор Васильевич предпочел вычеркнуть из своей биографии, в которой борьба с масонами займет ведущее положение.

После возвращения на родину, пребывавшую в ожидании очередной войны, для Ростопчина наступило время «неудач, гонений и неприятностей»: так он назвал военную службу. До начала русско-шведской войны 1788—1790 годов он находился при главной квартире русских войск во Фридрихсгаме, довелось ему служить и под командованием Суворова, штурмовать Очаков.

Звездный час Ростопчина наступил в декабре 1791-го: именно ему поручено было доставить в Петербург, то есть самой Екатерине II, известие о заключении исторического Ясского мирного договора с турками, по которому Черное море в значительной части стало российским. Об этом эпизоде из своей жизни Ростопчин рассказывал с удовольствием, не в пример истории, связанной с его посвящением в масоны. Хотя именно последняя, вероятно, и привела его в Петербург. Виднейший масон С. Воронцов рекомендовал Ростопчина своему другу канцлеру А. Безбородко, тот и взял молодого офицера на Яскую мирную

² *Вяземский П. А.* Характеристические заметки и воспоминания о графе Ростопчине // Русский архив. 1877. Кн. 2. Вып. 5. С. 70.

конференцию на бумажную, но очень ответственную работу — ведение журналов и протоколов заседаний.

Гонца, прибывшего с дурной вестью, в иное время могли и убить, а вот тот, кто приносил радостную новость, имел все шансы удостоиться монаршего благоволения. Счастливый случай произошел впервые в жизни Ростопчина. Именно на нем остановил свой выбор Безбородко, послав молодого офицера в столицу с донесением к императрице. И кто знает, сколько времени бы еще Ростопчину предстояло прозябать в армии, если бы не выпавшая ему удача.

В феврале 1792 года Ростопчин, по представлению Безбородко, по приезду в Петербург получил звание камер-юнкера в ранге бригадира. Его оставили при дворе. Екатерине молодой и образованный офицер понравился, она оценила его остроумие. Не зря в мемуарной литературе закрепилось прозвище, якобы данное ему императрицей, — «сумасшедший Федька». Подобная характеристика скорее говорит об оценке личных качеств Ростопчина, а не его способностей к государственной службе, проявить которые ему удалось служа уже не императрице, а ее сыну, засидевшемуся в наследниках, — Павлу Петровичу. Именно к его малому дворцу в Гатчине в 1793 году и был прикомандирован камер-юнкер Ростопчин, в обязанности которого входило дежурство при дворе.

Насколько почетной была служба у будущего императора? Ведь Павел как раз в то время сильно сомневался в своих шансах на престол, подозревая, что Екатерина передаст его своему внуку — Александру Павловичу. Колебались и придворные интриганы. Да и сама Гатчина являлась в каком-то роде ссылкой, куда мать, желая отодвинуть сына подальше от трона, удалила его в 1773 году, «подарив» ему это имение.

Павел жил в Гатчине как в золотой клетке, хорошо помня о судьбе своего несчастного отца. Совершенно одинокий, повсюду чувствующий негласный надзор, обиженный матерью, оскорбленный и униженный поведением ее придворных, обделенный властью — он даже не жил, а терпел. И вот в его окружении появляется доселе неизвестный, мало знатный, но амбициозный молодой

офицер. Поначалу Павел воспринял его, как и остальных придворных матери, с опаской. Но постепенно Ростопчин начинает завоевывать расположение наследника.

Дело в том, что свои обязанности при дворе дежурные офицеры исполняли небрежно, демонстрируя этим атмосферу отчужденности и неприятия, царившую вокруг Павла, убивавшего время в Гатчине то перестройкой дворца, то военной муштрой (даже собственных детей у него отобрали — ведь Екатерина действительно рассчитывала посадить на трон не своего сына, а внука — Александра). Ростопчин же удивил всех своей усердностью и старательностью, не в пример другим. Вероятно, у него вновь появился тот «пламенный порыв», с которым он уже однажды поступал на военное поприще.

Молодому офицеру удалось внушить окружающим весомость своей службы. Однажды его порыв даже стал причиной сразу двух дуэлей. Вызов он получил от других камер-юнкеров, назвав их негодяями за неисполнение своей службы: «Трое камер-юнкеров, кн. Барятинский, Ростопчин и кн. Голицын, поссорясь за дежурство, вызвали друг друга на поединок», — писал современник. Дуэли не состоялись — скандал докатился до государыни, летом 1794 года наказавшей Ростопчина ссылкой в Орловскую губернию, в имение отца.

Ссылка имела показательный характер и во многом способствовала созданию авторитета Ростопчина как сторонника Павла. При дворе даже поползли слухи, что наследник прятал Ростопчина у себя в Гатчине, впрочем, не нашедшие подтверждения.

Через год, в августе 1795 года, Ростопчин вернулся в столицу, окончательно утвердившись в глазах придворных как фаворит Павла Петровича. «Нас мало избранных!» — мог бы вслед за персонажем поэта вымолвить Ростопчин. Да, близких Павлу людей было наперечет, вот почему в недалеком будущем карьера Ростопчина разовьется так стремительно.

А в ноябре 1796 года скончалась Екатерина, освободив своему сыну дорогу к долгожданному престолу. Вот что интересно: и в этот раз Ростопчин явился вестником важнейшей новости, но уже не для императрицы, а для буду-

щего императора. Когда 5 ноября 1796 года с Екатериной случился удар, именно Ростопчин стал первым, кто сообщил об этом Павлу! Все последующие сутки находился он неотлучно с наследником, присутствуя при последних минутах государыни в числе немногих избранных.

И здесь мы вновь сталкиваемся с Ростопчиным-литератором, описавшим все, что произошло в тот исторический день, в своем очерке «Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I». Это сочинение графа высоко ставил Петр Вяземский, назвав его «яркой, живой, глубоко и выпукло вырезанной на меди исторической страницей», написанной «мастерским пером, с живостью и трезвостью». Вяземский, отдавая должное автору очерка, не скрывал своей зависти потомкам, «которые, в свое время, могут прочесть эту книгу»³.

Сочиняя это интереснейшее произведение, автор во всех мельчайших подробностях и ярких красках описал, как быстро, на протяжении одних суток, выросла его роль в государстве. Как при этом преображались лица придворных, с мольбой устремлявших свои взгляды на главного фаворита нового императора! Вот уже и влиятельный канцлер Безбородко, вытаскивший когда-то Ростопчина из неизвестности, умиленным голосом просит его об одном: отпустить его в отставку «без посрамления». Лишь бы не сослали!

Павел, призвав Ростопчина, вопрошает: «Я тебя совершенно знаю таковым, каков ты есть, и хочу, чтобы ты откровенно мне сказал, чем ты при мне быть желаешь?» В ответ Ростопчин выказал благородное желание быть при государе «секретарем для принятия просьб об истреблении неправосудия».

Но, во-первых, поначалу следовало исправить самое главное «неправосудие», столько лет длившееся по отно-

шению к самому Павлу; а во-вторых, у нового государя было не так много преданных людей, чтобы ими вот так разбрасываться на пустяковые должности. В итоге новый император назначил Ростопчина генерал-адъютантом, «но не таким, чтобы гулять только по дворцу с тростью, а для того, чтобы ты правил военною частью». И хотя Ростопчин не желал возвращаться на военную службу, возразить на волеизъявление императора он не посмел (должность генерал-адъютанта была важнейшей при дворе — занимающий ее чиновник должен был рассылать поручения и рескрипты государя и докладывать ему поступающие рапорты). Тем более что одно не исключало другого, — Ростопчин мог исполнять должность генерал-адъютанта и одновременно помогать просящим, которых вскоре появилось превеликое множество. Но все же главная должность Ростопчина не была прописана ни в каких табелях о рангах — ее можно выразить фразой, сказанной про него Павлом: «Вот человек, от которого я не намерен ничего скрывать».

Влияние Ростопчина росло как на дрожжах. Он стал правой рукой императора. И надо отдать ему должное: своими широкими полномочиями он не злоупотреблял, за прошлые обиды не мстил. За столь короткий срок царствования Павла Ростопчин успел поруководить несколькими ведомствами: военным, дипломатическим и почтовым. Где бы он ни работал, ему всегда удавалось доказывать значительность занимаемой должности. Многие современники, даже его противники, отмечали завидную работоспособность Ростопчина, его хорошие организаторские способности. В этом он был под стать императору, встававшему спозаранку и день-деньской занимавшемуся насущными государственными делами. Павел задумал за несколько лет сделать то, на что обычно требуются десятилетия. Особую заботу нового императора и вдохновляемых им приближенных составляло наведение порядка в распутившейся, по его мнению, стране: укрепление и централизация царской власти, введение строгой дисциплины в обществе, ограничение прав дворянства (например, он приказал всем дворянам, записанным на службу, явиться в свои полки, а «служили» тогда с младенчества).

³ Вяземский П. А. Характеристические заметки и воспоминания о графе Ростопчине // Русский архив. 1877. Кн. 2. Вып. 5. С. 73.

Смысл жизни подданного — служение государю, а всякая свобода личности ведет к революции. Этот постулат павловского времени Ростопчин принял на всю оставшуюся жизнь. Именно Павел «сделал» Ростопчину прививку от либерализма. Ростопчин хорошо усвоил, что совсем немного времени требуется, чтобы «закрутить гайки»: ужесточить цензуру, запретить выезд молодежи на учебу за границу...

Не случайно Ростопчин в 1799 году отмечал, что работает «до изнеможения»: вставая в половине шестого утра, через сорок пять минут он был уже у государя, при котором пребывал до часу дня, занимаясь рассылкой приказов и чтением поступающих документов. Ложился спать он в десять часов.

Управляя Военным департаментом и военно-походной канцелярией императора (с мая 1797 года) Ростопчин написал новую редакцию Военного устава по прусскому образцу, целью которого было превращение армии в слаженный механизм с помощью повседневных смотров и парадов. Как глава почтового ведомства (с мая 1799 года) он имел возможность читать проходящую через него почту. Факт немаловажный, особенно для того, кто знает толк в интригах.

Но наиболее бурную деятельность Ростопчин развил, занимаясь внешнеполитическими делами Российской империи. В сентябре 1799 года государь назначил его первоприсутствующим в Коллегии иностранных дел, то есть фактически канцлером. Ростопчин планировал развернуть внешнюю политику России на 180 градусов, избрав в качестве союзника Францию, а не Англию с Австрией. Таким образом, он двигался в русле политики Павла, который «перевернул все вверх дном», как выразился его старший сын Александр. Ростопчин даже планировал тайно отправиться в Париж для ведения переговоров с Бонапартом. Но разве государь мог его отпустить — ведь на дворе стояла уже осень 1800-го, тучи над Михайловским замком сгустились. Из затей Ростопчина ничего не вышло.

Еще одно важное открытие Ростопчина — то, что у России не может быть политических союзников в прин-

ципе, а есть лишь завистники, которые так и норовят сплотиться против нее. Недаром ему приписывают фразу: «Россия — это бык, которого поедают и из которого для прочих стран делают бульонные кубики». Как напишет Ростопчин впоследствии в своей «Записке <...> о политических отношениях России в последние месяцы павловского царствования», «России с прочими державами не должно иметь иных связей, кроме торговых».

Получается, что Ростопчин задолго до Александра III, провозгласившего главными и единственными союзниками России армию и флот, сформулировал основные постулаты политики царя-консерватора. По этой причине (в том числе) Ростопчина и принято относить к основателям русского консерватизма, а заодно и национализма. Ведь любимым лозунгом Александра III был «Россия для русских».

Но пропорционально его влиянию увеличивалось и число завистников, надеявшихся, что царствование Павла будет коротким. Ростопчин должен был быть готов, что в любое время он также быстро сойдет с пьедестала, как и очутился на нем. Первая отставка последовала в марте 1798 года, когда в результате происков фаворитки Павла Е. Нелидовой он был снят со всех постов и выслан в свое имение. Правда, уже через полгода Ростопчин вновь понадобился государю (у Павла вместо Нелидовой появилась новая любимица — А. Лопухина). Новые «знаки благоволения», как называл их Ростопчин, не заставили себя ждать — графский титул «с нисходящим его потомством» в феврале 1799-го и еще 3000 крепостных и 33 тысячи десятин земли в Воронежской губернии. В марте 1800 года новоиспеченный граф был назначен членом Совета императора.

Причиной последующей опалы явились интриги представителя противоборствующего лагеря — графа Палена, но по большому счету отставка была вызвана грядущей сменой власти. Недовольство павловским царствованием достигло критической точки. Даже родной сын Александр жаловался, что «сделался теперь самым несчастным человеком на свете». Ненависть вызывали и награды, раздаваемые Павлом. Стремясь предать забве-

нию учрежденные Екатериной ордена, он учредил орден св. Иоанна Иерусалимского, которым удостоил Ростопчина в декабре 1798 года. А в марте 1799-го Павел сделал его великим канцлером Мальтийского ордена, великим командором которого он сам являлся.

Но не древний рыцарский орден был подспорьем Павлу в осуществлении его преобразований. Опорой ему были ближайшие сподвижники, в числе которых наибольшее влияние имели Ростопчин и Аракчеев. А потому главной задачей заговорщиков во главе с тем же графом Паленом, генерал-губернатором Петербурга, было устранение преданных императору людей. Аракчеева удалось скомпрометировать в глазах Павла осенью 1799 года, а Ростопчин протянул до февраля 1801-го.

Чувствовал ли Ростопчин, что кольцо заговора сужается и развязка вот-вот наступит? Судя по письму, написанному им незадолго до отставки — да: «Я не в силах более бороться против каверз и клеветы и оставаться в обществе негодяев, которым я неугоден и которые, видя мою неподкупность, подозревают, и — не без основания, что я противодействую их видам», — писал он. Ростопчин считал, что больше всего в смене власти в России заинтересована Англия, куда, по его мнению, и вели основные нити заговора.

Как и в прошлую опалу, Ростопчину было велено выехать в подмосковное имение Вороново. Император даже отказался с ним переговорить напоследок, а жить Павлу оставалось всего три недели. Почувствовав неладное, он написал было Ростопчину, чтобы тот немедленно возвращался. Но было слишком поздно. Ростопчин узнал о смерти любимого императора в дороге — и в Петербург уже не поехал.

Итог службе Ростопчина при Павле подвел Петр Вяземский:

Служба Ростопчина при Императоре Павле неопровержимо убеждает, что она не заключалась в одном раболепном повиновении. Известно, что он в важных случаях оспаривал с смелостью и самоотвержением, доведенными до последней

крайности, мнения и предположения Императора, которого оспаривать было дело нелегкое и небезопасное⁴.

Если Аракчеева Александр вернул и приблизил к себе, то о возвращении Ростопчина не могло быть и речи. Отношения между новым государем и бывшим фаворитом его отца не задались. Как выражался сам Федор Васильевич, наследник «его терпеть не мог». И если про Павла и Ростопчина можно сказать, что у них было много общего, то с Александром в начальную пору его царствования графа мало что связывало. Потому-то он и поехал дальше к себе в Вороново, узнав о смерти Павла. Девизом нового царствования стало: «Все будет как при бабушке», и потому Ростопчин пришелся не ко двору.

Удалившись в свое имение Вороново, купленное у графа Д. Бутурлина в 1800 году за 320 тысяч рублей, Ростопчин не остался без дела. Он решил преобразовать сельское хозяйство в отдельно взятом имении, сделав его образцовым и максимально прибыльным. Поначалу Ростопчин посеял на своих полях американскую пшеницу и овес, поставив себе целью увеличение урожайности хлеба. Для этого придумал удобрять посевы илом, известью, навозом, а еще и медным купоросом. Совершенствует он и орудия труда — молотилку и соху, борясь с плугом и английской системой земледелия.

Получив первые результаты своих опытов, он приходит к мысли, что иноземные «орудия для хлебопашества» нам ни к чему — не подходят они для нашего климата. И если что-то и брать у англичан, так это приспособления для обмолота зерна.

Своими соображениями он делится в книге «Плуг и соха. Писанное степным дворянином»:

То, что сделалось в других землях веками и от нужды, мы хотим посреди изобилия у себя завести в год <...> Теперь проявилась скоропостижно мода на английское земледелие, и английский фермер столько же начинает быть нужен многим

⁴ Вяземский П. А. Указ. соч. С. 74.

русским дворянам, как французский эмигрант, итальянские в домах окна и скаковые лошади в запряжку <...> Мое намерение состоит в том, чтобы тем, кои прославляют английское земледелие, выставляя выгодную лишь часть оною, доказать, что сколь английское обрабатывание земли может быть выгодно в окрестностях больших городов, столь бесполезно или, лучше сказать, невозможно всеместно для России в теперешнем ее положении.

Он был уверен, что именно его методы организации сельского хозяйства способны значительно увеличить доходы государства. И отвергал всякие намеки на то, что истинной преградой на пути развития экономики России является крепостное право. Ростопчин, как и император Павел, считал, что помещики лучше позаботятся о своих крепостных, чем сами крестьяне, если те будут вынуждены думать о себе. Но время Павла прошло, а Александр провозгласил во время своей коронации 15 сентября 1801 года: «Большая часть крестьян в России — рабы <...> Я дал обет не увеличивать числа их и потому взял за правило не раздавать крестьян в собственность». Ростопчин же расценивал свободу крестьян как «неестественное для человека состояние, ибо жизнь есть наша беспрестанная зависимость от всего». Вольность способна и вовсе привести к бунту — в этом он был твердо уверен. Что бы сказал граф, узнав о том, что за полвека после отмены крепостного права в 1861 году объем сельскохозяйственного производства вырос в 7 раз!

Ростопчину душно в александровской России, он вынужден постоянно зажимать себе нос, остро ощущая тлетворное влияние Запада. Что бы ни сделал Александр I, хорошо чувствующий общественные настроения, все вызывало у графа резкий протест. Особенно в направлении либерализации общества: свобода въезда и выезда из России, свобода торговли, открытие частных типографий и беспрепятственный ввоз любой печатной продукции из-за границы, упразднение Тайной экспедиции и т. д.

Все эти меры Ростопчин считал очень вредными для России: «Господи помилуй! Все рушится, все падает и задавит лишь Россию», — читаем мы в его переписке 1803—1806 годов. В чем он видит основную причину «падения»

России? Как и в сельском хозяйстве, это увлечение всем иноземным: «прокуроров определяют немцев, кои русско-го языка не знают», «смотрят чужими глазами и чувствуют не русским сердцем» и т. д. Для исправления ситуации Ростопчин избирает весьма оригинальный способ: взять из кунсткамеры дубину Петра Великого и ею «выбить дурь из дураков и дур», а еще понаделать много таких дубин и поставить «во всех присутственных местах вместо зеркал».

Насколько прав был Ростопчин, укоряя российскую элиту в галломании? К сожалению, прав во многом. Французская речь впитывалась дворянскими детьми с молоком кормилиц, ведь в большинстве своем домашними учителями, гувернерами в знатных семьях были французы. Среди российских дворян были и такие, что годами не появлялись в России, вывозя детей на учебу в Париж и Страсбург. Немалое число высших сановников России говорили по-французски лучше, чем на родном языке, к Франции относились как ко второй своей родине. Например, канцлер Николай Румянцев так любил Францию, что удостоился похвалы Наполеона. А когда в июне 1812 года Румянцев узнал о начале Отечественной войны, его хватил удар — такое сильное впечатление на него произвела эта новость. Да и генералитет российской армии в немалой степени состоял из иностранцев (к 1812 году таковых было 40 %!). Но этот факт вряд ли позволяет считать их меньшими патриотами, чем сам Ростопчин.

Еще до 1812 года Наполеон покорила сердца и определенной части российской интеллигенции. Характерен пример Василия Львовича Пушкина, с придыханием рассказывавшего о своем вояже в Париж и встрече с Наполеоном в 1803—1804 годах. Поэт на несколько месяцев стал героем московских и петербургских салонов. А как притягивали московских модниц привезенные им из Парижа рецепты, предметы туалета, мебель! Но не стоит предавать столь большое значение этим ярким, но все же только внешним, признакам любви к Франции. После 1807 года и навязанного России мира отношение российской общественности стало меняться в более трезвую сторону.

В эти годы литературство окончательно стало для Ростопчина важнейшим занятием, наряду со всеми дру-

гими радостями жизни. В 1806 году он сочиняет «наборную повесть из былей, по-русски писанную», уже одно название которой указывает на ее антигалльскую направленность: «Ох, французы!».

Автор, принимая на себя роль «глазного лекаря», который «если не вылечит, то, по крайней мере, не ослепит никого», пытается открыть глаза читателю на то, каким должен быть настоящий русский дворянин. Ростопчин считает, что у него есть для этого веские основания только по той причине, что «и вы русские», и «я русский».

Адресована книга «разумеется, благородным, по той причине, что сие почтенное сословие есть подпора престола, защита отечества и должно предпочтительно быть предохранено». О менее знатных сословиях Ростопчин придерживается лучшего мнения: «Купцы же и крестьяне хотя подвержены всем известным болезням, кроме нервов и меланхолии, но еще от иноземства кой-как отбиваются, и сия летучая зараза к ним не пристаёт». А к благородным пристаёт с самого рождения, когда французские няньки и гувернеры разговаривают со своими воспитанниками на своем языке, а вместо «сорока, сорока кашу варила» ребенок слышит истории про Синюю Бороду. Тогда как «наши сказки о Бове Королевиче, о Евдоне и Берьефе, о Еруслане Лазаревиче, о Илье Муромце заключают нечто рыцарское, и ничего неблагопристойного в них нет».

Неизвестно, как повлияла бы повесть на представителей сословия, которому она была адресована, если бы была опубликована своевременно. Но напечатали ее лишь в 1842 году, когда автора уже давно не было в живых. И если бы Федор Васильевич дожил до публикации, то наверняка был бы очень обрадован отзывами критиков: «верное зеркало нравов старины и дышит умом и юмором того времени» (В. Белинский) и «много юмора, остроты и меткого взгляда» (А. Герцен)...

А вот следующее произведение Ростопчина, которое можно назвать «программным», увидело свет вскоре после написания. В «Мыслях вслух на Красном крыльце Российского дворянина Силы Андреевича Богатырева» автор предлагает уже более радикальные методы борьбы с «иноземщиной»: «Долго ли нам быть обезьянами? Не по-

ра ли опомниться, приняться за ум, сотворить молитву и, плюнув, сказать французу: “Сгинь ты, дьявольское наваждение! ступай в ад или восвояси, все равно, — только не будь на Руси”».

«Мысли...» разошлись в списках и приобрели широкую известность, а их первая публикация состоялась даже без ведома автора — в марте 1807 года в Петербурге. Правда, напечатавший их А. Шишков немного смягчил националистические акценты. Ростопчину это не понравилось, и вскоре он сам взялся за публикацию «Мыслей...» в Москве. По сравнению с прежними героями Ростопчина Сила Богатырев оказался более воинственным и даже агрессивным:

Прости Господи! уж ли Бог Русь на то создал, чтоб она кормила, поила и богатила всю дрянь заморскую, а ей, кормилице, и спасибо никто не скажет? Ее же бранят все не на живот, а на смерть.

Впоследствии, через четырнадцать лет после написания «Мыслей...», Ростопчин оправдывал их возникновение желанием «предупредить жителей городов против Французов, живущих в России, которые старались уже приучить умы к тому мнению, что должно будет некогда нам пасть пред армиями Наполеона <...> Впрочем, я спрашиваю: где та Земля, в которой три тысячи шестьсот тридцать Французов, живущих в одном токмо столичном городе, готовом уже быть занятым их соотечественниками, могли бы жить не только спокойно, но даже заниматься своей коммерцией и отправлять свои работы?»⁵.

Как это часто бывает в таких случаях, у Ростопчина не замедлили появиться последователи и подражатели. Сам В. Жуковский из Петербурга изъявлял желание напечатать в «Вестнике Европы» продолжение мыслей Силы Богатырева, вопрошавшего: «Боже мой! да как же предки наши жили без французского языка, а служили верой и правдой государю и отечеству, не жалели крови своей, ос-

⁵ *Ростопчин Ф. В.* Указ. соч. С. 33.

тавляли детям в наследство имя честное и помнили заповеди Господни и присягу свою? За то им Слава и Царство Небесное!»

«Эта книжка прошла всю Россию, ее читали с восторгом!» — отмечал М. Дмитриев. Публика требовала продолжения банкета. И вскоре из-под пера Ростопчина вышли новые произведения из этой же «серии» — «Письмо Устина Ульяновича Веникова к Силе Андреевичу Богатыреву», «Письмо Силы Андреевича Богатырева к одному приятелю в Москве» и т. д.

Пробовал он себя и в драматургии, сочинив одноактную комедию «Вести, или Убитый живой», главным героем которой был опять же любимый персонаж — Сила Богатырев. Пьеса прошла на московской сцене в январе 1808 года лишь три раза. Некоторые зрители, узнав себя в персонажах пьесы, закатили скандал, после чего спектакль сняли с репертуара.

Как жалел Федор Васильевич о преждевременной гибели императора Павла, не скрывая своего разочарования царствованием его сына! И оба этих противоречивых чувства были глубоко связаны между собой. Как метко по этому поводу заметил тот же П. Вяземский, «благодарность и преданность, которые сохранил он к памяти благодетеля своего (как всегда именуется он Императора Павла, хотя впоследствии и лишившего его доверенности и благорасположения своего) показывают светлые свойства души его. Благодарность к умершему, может быть, доводила его и до несправедливости к живому»⁶.

А что же государь? Вспоминал ли он о Ростопчине?

По крайней мере, Александр знал о том, что Ростопчин является выразителем мнения определенной части дворянства правого толка, так называемой «русской партии». Дошла до императора и трактовка Ростопчиным Аустерлицкого поражения 1805 года как «Божьей кары» за убийство Павла Первого.

В декабре 1806 года Ростопчин обращается напрямую к Александру, предлагая ему рецепт быстрого излечения страны (в павловском стиле): выслать всех иностранцев, приструнить своих говорунов-либералов и тем более масонов: «Исцелите Россию от заразы и, оставя лишь духовных, прикажите выслать за границу сонмище ухищренных злодеев, коих пагубное влияние губит умы и души несмыслящих подданных наших». Ожидаемой Ростопчиным реакции государя не последовало.

А тем временем серьезно обострилась международная обстановка. В 1807 году Александр был вынужден подписать с Наполеоном невыгодный для России Тильзитский мир, по которому с Францией устанавливались союзнические отношения, а сам Бонапарт признавался французским императором. Более того, Россия обязана была участвовать в континентальной блокаде Великобритании, в союзе с которой ранее была образована коалиция против Наполеона. Россия несла не только моральные, но и экономические убытки (торговля с Великобританией была крайне выгодной), что не могло не сказаться на общественном мнении, на политической атмосфере при дворе.

В донесениях иностранных послов своим государям все чаще стало встречаться уже забытое с 1801 года слово «переворот»: «Недовольство императором усиливается <...> Говорят о перемене царствования <...> Говорят о том, что вся мужская линия царствующего дома должна быть отстранена... На престол хотят возвести великую княжну Екатерину». Упомянутая шведским послом княжна — родная сестра государя, великая княгиня Екатерина Павловна, которая сыграет важнейшую роль в будущей судьбе Ростопчина.

И вот постепенно доселе не принимаемые во внимание суждения Ростопчина о засилье иностранщины, о вреде губящего страну либерализма наконец-то нашли свою хорошо удобренную почву в среде недовольного дворянства, особенно московского. Хотя и в столице были те, кто готов был выслушивать Ростопчина не без интереса: это и министр полиции А. Балашов, и министр юстиции И. Дмитриев, и Н. Карамзин, и даже брат императора, великий князь Константин Павлович. Встречались оппозиционеры и посередине, между двумя столицами, — в Твери, в салоне

⁶ Вяземский П. А. Указ. соч. С. 74.

той самой сестры императора, великой княжны Екатерины Павловны, и ее мужа, герцога Ольденбургского, местного губернатора.

По сути, на этих собраниях Ростопчин являлся главным представителем оппозиционной Москвы. Как правило, тем для разговоров было три: Наполеон, Сперанский и масоны. Ростопчин уподоблял их трехголовой гидре, которая погубит Россию. В Твери Ростопчин нашел не только единомышленников, но и высокопоставленных покровителей и ходатаев — в лице великой княгини Екатерины Павловны и ее мужа. «Посмотрите, — все громче писал и говорил Ростопчин, — до чего довело нас преклонение перед всем французским, Наполеоновы-то войска уже у наших границ!» Действительно, перспективы новой большой войны становились все очевиднее даже без обличительных речей Ростопчина.

С 1810 года Александр стал готовить Россию к войне, проведя военную реформу, начав перевооружение армии. Возникла потребность и в мобилизационных мерах, особенно пропагандистского характера. И вот здесь патриотическая риторика Ростопчина наконец-то была востребована императором, желавшим сгладить недовольство дворянства и чиновничества. Подготовка к войне — очень хорошая возможность повысить авторитет власти, если ведется она на фоне умелого поиска внутренних и внешних врагов. А врагов этих Ростопчин хорошо знал. Первым из них числился реформатор Михаил Сперанский, в борьбе с которым вновь проявил свою публицистическую активность наш герой.

Ростопчин сумел облечь обвинения против Сперанского в «научную» форму, сочинив в 1811 году «Записку о мартинистах», то есть масонах. Как утверждал автор записки, еще в 1796-м, разбирая архив покойной императрицы, он обнаружил секретные бумаги о масонском заговоре с целью убийства Екатерины. Тогда же Ростопчин немедленно довел эти сведения до Павла, который в 1799-м и вовсе запретил масонские ложи в России.

По Ростопчину получалось, что тайные общества никуда не исчезли после запрета их деятельности, а лишь на время законспирировались. А Сперанский и есть главный

покровитель масонов, вражеского общества «нескольких обманщиков и тысяч простодушных жертв», «поставившего себе целью произвести революцию <...> подобно негодьям, которые погубили Францию». Злободневность записке придало и упоминание Наполеона, «который все направляет к достижению своих целей, покровительствует им и когда-нибудь найдет сильную опору в этом обществе, столь же достойном презрения, сколько опасном». Записка получила широкое распространение и дошла до адресата, которому она и была предназначена, хотя поначалу писалась для его сестры Екатерины Павловны.

В марте 1812 года после встречи с императором Александром Ростопчин получил должность московского военного генерал-губернатора. Граф утверждал, что даже не помышлял о таком высоком доверии и пытался отказываться. И лишь после просьбы царя согласился: «Государь стал настаивать, наговорил мне кучу комплиментов, прибегнул к ласкательству, как то делают все люди, когда они нуждаются в ком-нибудь или желают чего-либо, а наконец, видя, что я плохо поддаюсь его желанию, прямо сказал: “Я того хочу”. Это уже было приказанием, и я, повинувшись ему, уступил». На самом деле, все обстояло совсем по-другому. Федор Васильевич просто-таки стремился управлять Москвой, везде, где только можно, критикуя престарелого московского генерал-губернатора Ивана Гудовича. А перед императором за Ростопчина замолвила словечко все та же великая княгиня Екатерина Павловна.

Уже первая фраза, которой Ростопчин начинает рассказ о своей службе московским градоначальником, поражает самонадеянностью: «Город, по-видимому, был доволен моим назначением». Еще бы не радоваться, ведь три недели в Москве стояла несусветная жара, грозившая очередной засухой, и надо же случиться такому совпадению, что именно в день приезда Ростопчина полил дождь. А тут еще пришло известие о перемирии с турками. Что и говорить, тут любой мог бы поверить в промысел Божий. Похоже, что первым поверил сам Ростопчин.

Новый начальник быстро уразумел, что уже сам возраст его будет служить главным подспорьем в завоевании авторитета у москвичей. В свои сорок семь лет он казался

просто-таки молодым человеком по сравнению с пожилыми предшественниками.

Большое внимание Ростопчин уделил пропагандистскому обеспечению своей деятельности, приказав по случаю своего назначения отслужить молебны перед всеми чудотворными иконами Москвы. Объявил москвичам, что отныне он устанавливает приемные часы для общения с населением — по одному часу в день, с 11 до 12 часов. А те, кто имеет сообщить нечто важное, могут и вовсе являться к нему и днем, и ночью. Это быстро произвело необходимое впечатление.

Кардинально он ничего не мог изменить, так как на это требовались годы. А быстро можно заниматься лишь мелочами. Он, например, отвечая на жалобы «старых сплетниц и ханжей», приказал убрать с улиц гробы, служившие вывесками магазинам, их поставившим. Велел снять объявления, наклеенные в неположенных местах — на стенах церквей, запретил выпускать ночью собак на улицу, запретил детям пускать бумажных змеев, запретил возить мясо в открытых телегах. Приказал посадить под арест офицера, приставленного к раздаче пищи в военном госпитале, — за то, что не нашел его в кухне в час завтрака. Заступился за одного крестьянина, которому вместо 30 фунтов соли отвесили только 25; засадил в тюрьму чиновника, заведовавшего постройкой моста на судах, снял с должности квартального надзирателя, обложившего мясников данью, и т. д. Организовал под Москвой строительство аэростата, с которого предполагалось сбрасывать бомбы на головы французов...

По утрам он мчался в самые отдаленные кварталы Москвы, чтобы оставить там следы своей «справедливости или строгости». Встав спозаранку, любил он инкогнито ходить по московским улицам в гражданском платье, чтобы затем, загнав не одну пару лошадей, к восьми часам утра быть в своем рабочем кабинете. Эти методы работы он позаимствовал у покойного Павла. Возможно, что еще одно павловское изобретение — ящик для жалоб, установленный у Зимнего дворца, — Ростопчин также применил бы в Москве, но война помешала.

Как похвалялся сам Ростопчин, два дня понадобилось ему, чтобы «пустить пыль в глаза» (это его собствен-

ное выражение) и убедить большинство московских обывателей в том, что он неутомим и что ему есть до всего дело.

А тем временем «Великая армия» Наполеона, перешедшая Неман в июне 1812 года, все ближе продвигалась к Москве. Ростопчин решает, что наиболее важным делом для него является распространение среди населения уверенности в том, что положение на фронте не так критично, что француз к Москве не подойдет. Уверенность эту Ростопчин насаждает опять же с помощью своих литературных способностей: «Я чувствовал потребность действовать на умы народа, возбуждать в нем негодование и подготавливать его ко всем жертвам для спасения отечества. С этой-то поры я начал обнародовать афиши, чтобы держать город в курсе событий и военных действий».

«Дружеские послания главнокомандующего в Москве к жителям ее» (так официально именовались афиши) выходили почти каждый день, начиная с 1 июля по 31 августа 1812 года, а затем с сентября по декабрь того же года. До нашего времени дошло два десятка афиш, вот и первая из них:

Московский мещанин, бывший в ратниках, Карнюшка Чихирин, выпив лишний крючок на тычке, услышал, что будто Бонапарт хочет идти на Москву, рассердился и, разругав скверными словами всех французов, вышед из питейного дома, заговорил под орлом так: «Как! К нам? Милости просим, хоть на святки, хоть и на масляницу: да и тут жгутами девки так припопонят, что спина вздуется горой. Полно демоном-то наряжаться: молитву сотворим, так до петухов сгинешь! Сиди-тко лучше дома да играй в жмурки либо в гулючки. Полно тебе фиглярить: ведь солдаты-то твои карлики да шегольни; ни тулупа, ни рукавиц, ни малахая, ни онуч не наденут <...> Потом Чихирин пошел бодро и запел: «Во поле береза стояла», а народ, смотря на него, говорил: «Откуда берется? А что говорит дело, то уж дело?»⁷

⁷ Борсук Н. В. Ростопчинские афиши. Спб., 1912. С. 4.

Афиши эти больше похожи на рассказы в былинном стиле, рассчитанные на те слои населения, которые с трудом могли читать, а потому способны были лишь слушать, собравшись кучками на московских площадях. Таким способом Ростопчин «успокаивал» народ, одновременно завоевывая дешёвый авторитет в бедных слоях населения.

А жизнь в Москве переменялась — писал Александр Пушкин в «Рославле»:

Москва взволновалась. Появились протонародные листки графа Ростопчина; народ ожесточился. Светские балагуры присмирели; дамы вструхнули. Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществах решительный верх, и гостиные наполнились патриотами: кто высypал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюр, кто отказался от лафита и принялся за кислые щи. Все закаялись говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедовать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни.

П. Вяземский вспоминал: «Так называемые “афиши” графа Ростопчина были новым и довольно знаменательным явлением в нашей гражданской жизни и гражданской литературе. Знакомый нам “Сила Андреевич” 1807 г., ныне повышен чином. В 1812 г. он уже не частно и не с Красного крыльца, а словом властным и воеводским разглашает свои Мысли вслух из своего генерал-губернаторского дома на Лубянке»⁸.

Сам Ростопчин сетовал, что в это время он совершенно выбился из сил:

Столько было дел, что не доставало времени сделаться больным, и я не понимаю, как мог я перенести столько трудов <...> Я не спал на постели; я ложился, ни мало не раздеваясь, на канапе, будучи беспрестанно пробуждаем то для чтения

депешей, приходящих тогда ко мне со всех сторон, то для переговоров с курьерами и немедленного отправления оных⁹.

Прочитав это, поневоле задаешься вопросом: и откуда только Ростопчин брал время на сочинение афишек? Над этим задумывались и его современники, и даже родственники. Один из них, Н. Карамзин, свояк графа, живший у него в доме, даже предлагал Ростопчину писать за него. При этом он шутил, что таким образом заплатит ему за его гостеприимство и хлеб-соль. Но Ростопчин отказался. Вяземский отказ одобрил, ведь «под пером Карамзина эти листки, эти беседы с народом были бы лучше писаны, сдержаннее, и вообще имели бы более правительственного достоинства. Но зато лишились бы они этой электрической, скажу, грубой, воспламеняющей силы, которая в это время именно возбуждала и потрясала народ»¹⁰. Лев Толстой назвал язык афишек «ерническим».

Свои афиши Ростопчин писал быстро. Например, когда граф узнал, что в Москву 11 июля 1812 года должен пожаловать император с проверкой, он тотчас сел за написание соответствующей афиши. Это был тот самый визит Александра I в первопрестольную, во время которого чуть было не задавили маленького Петю Ростова, решившегося втайне от родителей пойти в Кремль, чтобы вместе со всем народом поглазеть на царя-спасителя.

Ростопчин встретил царя в Перхушкове, организовав прием на высоком уровне. Похоже, что в душе и Александра, и Ростопчина поселились спокойствие и уверенность в неизбежности скорой победы над Наполеоном. Уже за полночь, получив указание от царя вернуться в Москву, в отличном расположении духа направлялся граф в Первопрестольную. Но вот какое странное ощущение посетило его: толпы людей вдоль дороги, ожидавшие въезда в город государя, а главное — священники с горящими свечами и крестами для благословения царя, — все это на минуту напомнило Ростопчину... похороны. Впрочем, мысли эти довольно скоро оставили графа, ведь предстоящие в Мо-

⁸ Вяземский П. А. Указ. соч. С. 75.

⁹ Ростопчин Ф. В. Указ. соч. С. 44.

¹⁰ Вяземский П. А. Указ. соч. С. 75.

скве с участием государя события навевали совершенно иное, благостное настроение.

А обстановка обострялась с каждым днем, и 6 августа Ростопчин обращается к государю с письмом, в котором требует назначения Кутузова главнокомандующим всеми российскими армиями: «Государь! Ваше доверие, занимаемое мною место и моя верность дают мне право говорить Вам правду. Москва желает, государь, чтобы командовал Кутузов».

Наконец 8 августа Александр подписывает рескрипт о назначении Кутузова главнокомандующим. В Москве известие о новом главнокомандующем встречают ликованием, связывая с ним надежду на скорую победу над врагом. Рад и Ростопчин. Но пройдет каких-то лет десять, и он весьма скептически оценит те августовские дни: «Москва дала новое доказательство недостатка в благоразумии. При вести о его назначении все опьянели от радости, целовались, поздравляли друг друга».

Назначение Кутузова, как это ни покажется странным, объясняется тем же, что и назначение Ростопчина на Москву. Обществу российскому надоел Барклай, говоривший правду. И тогда Александр призвал Кутузова, хорошо говорившего по-русски то, что от него хотели услышать. Обращает на себя внимание поразительная уверенность общества, что одноглазый Михаил Илларионович и есть та волшебная палочка-выручалочка, способная одним махом спасти и Москву, и Россию: «Весь народ в радости от назначения Кутузова главнокомандующим над обеими армиями. Он все поправит и спасет Москву. Барклай — туфля, им все недовольны; с самой Вильны он все пакостит только. Я поклянусь, что Бонапарту не видать Москвы»¹¹, — не мог сдерживать восторга чиновник ростопчинской канцелярии А. Булгаков.

До последних дней Кутузов твердил, что Москва не будет сдана. А Ростопчин, в свою очередь, сообщал об этом каждодневно в своих афишах, считая необходимым

¹¹ Братя Булгаковы. Письма. В 3 тт. Т. 1. М.: Захаров, 2010. С. 234.

«при каждом дурном известии возбуждать сомнения относительно его достоверности. Этим ослаблялось дурное впечатление; а прежде чем успевали собрать доказательства, внимание опять поражалось каким-нибудь событием, и снова публика начинала бегать за справками». Непонятно, чего больше в этих словах графа — желания запудрить мозги или отсутствия всякого представления о первостепенности ряда мер, которые должен предпринимать градоначальник.

Не только Александр Булгаков, но и другие жившие в то время в Москве посылали афиши своим знакомым в провинции, благодаря чему интерес к ростопчинским сочинениям обозначился далеко за пределами Москвы. Афиши Ростопчина стали чем-то вроде сувениров. Вот и двоюродный дядя Льва Толстого Дмитрий Михайлович Волконский еще 7 июля сообщал в дневнике: «Писал я в Ясную кн. Николаю Сергеевичу и послал ему разговор мещанина Чихарина о французах»¹². Имеется в виду одна из первых афиш, а упомянутый князь — это живший в Ясной поляне дед писателя, прототип старого князя Болконского из «Войны и мира» — Н. С. Волконский.

«Я употребил все средства к успокоению жителей и ободрению общего духа», — будет оправдываться позднее Ростопчин. Для того чтобы знать о том, какое впечатление производит на москвичей то или иное известие с фронта, он пользовался услугами агентов, толкавшихся среди народа на оживленных площадях, рынках, кабаках и гостиницах. Каждый день они докладывали ему содержание услышанных разговоров и затем получали задание распространять по Москве новые слухи, способные, по мнению градоначальника, успокоить горожан. Общественное мнение разделилось на два лагеря: одни верили Ростопчину, другие — своему предчувствию.

Чтобы вызвать в народе «удовольствие», Ростопчин поставил себе цель выслать из Москвы чуть ли не всех иностранцев. Об этом он сообщал императору: «Плуты кресть-

¹² 1812 год и русская мемуаристика. Военные дневники / Сост., вступ. ст. А. Г. Тартаковского. М.: Советская Россия, 1990. С. 78.

яне — лучшая в мире полиция. Они хватают все подозрительное, и сию минуту приведен ко мне жид, должно быть, шпион». А высылка в Нижний Новгород французов была обставлена на редкость театрально. Сорок французов усадили в барку, зачитав им следующий наказ остроумного градоначальника: «Войдите в барку и... не превратите ее в барку Харона! В добрый путь!»

Кульминацией литературной деятельности Ростопчина в последние дни перед сдачей Москвы, является его очередная афишка с призывом к москвичам взять в руки все, что есть, и собраться на Трех горах для сражения с неприятелем:

Братцы! Сила наша многочисленна и готова положить живот, защищая отечество, не пустить злодея в Москву. Но должно пособить, и нам свое дело сделать. Грех тяжкий своих выдавать. Москва наша мать. Она вас поила, кормила и богатила <...> Вооружитесь, кто чем может, и конные, и пешие; возьмите только на три дни хлеба; идите со крестом; возьмите хоругви из церквей и с сим знаменем собирайтесь тотчас на Трех Горах; я буду с вами, и вместе истребим злодея.

Генерал-губернатор своими дружескими посланиями так приучил простой народ верить ему, что, действительно, 31 августа люди собрались, но, не дождавшись своего градоначальника, разошлись:

Народ был в числе нескольких десятков тысяч, так что трудно было, как говорится, яблоку упасть, на пространстве 4 или 5 верст квадратных, кои с восхождением солнца до захождения не расходились в ожидании графа Ростопчина, как он сам обещал предводительствовать ими; но полководец не явился, и все, с горестным унынием, разошлись по домам¹³.

Уныние, однако, вскоре переросло в другое чувство — озлобление. Люди поняли, что их обманули, что Москву

¹³ *Бестужев-Рюмин А. Д.* Краткое описание происшествий в столице Москве в 1812 году // Русский архив. 1896. Кн. 2. Вып. 7. С. 359.

никто защищать не собирается. А невяку градоначальника многие расценили как банальную трусость. Откуда им было знать, что Ростопчин, созвав народ на битву, оказывается, надеялся, что «это вразумит наших крестьян, что им делать, когда неприятель займет Москву». Он-то с самого начала утверждал, что «у нас на Трех Горах ничего не будет», сказав эти слова в присутствии Ф. Глинки.

А теперь прочитаем описание этих дней Ростопчиным:

Я имел в виду два предмета весьма важные, от которых, полагал, зависит истребление Французской армии, а именно: чтоб сохранить спокойствие в Москве и вывести из оной жителей. Я успел свыше моих надежд. Тишина продолжалась даже до самой минуты вшествия неприятеля, и из двух сот сорока тысяч жителей осталось только от двенадцати до пятнадцати тысяч человек... Ни один человек не был оскорблен, и кабаки, во время мнимого беспорядка при вшествии Наполеона в Москву, не могли быть разграблены; ибо вследствие моего приказа не находилось в них ни одной капли вина¹⁴.

Беспорядок и панику, охватившие Москву с 31 августа 1812 года, не назовешь спокойствием, как трактует это Ростопчин. Что же до оставшихся жителей, то в основном это были те, кто физически не смог покинуть Москву. Например, настоятельница Страстного монастыря в один из последних дней августа объявила монахиням, чтобы все, кто может, немедленно уходили бы из города, как говорится, на своих двоих. Тем же, кто идти был не силах, суждено было остаться в полном распоряжении французской армии.

А чем же был занят в эти трагические для Москвы часы ее начальник? Об этом он опять же рассказал в своих сочинениях. Последний день (2 сентября), проведенный Ростопчиным в Москве перед ее сдачей французской армии, ознаменован событием, наложившим свой трагиче-

¹⁴ *Ростопчин Ф. В.* Указ. соч. С. 20.

ский отпечаток на всю последующую биографию графа. Утром он находился в своем доме на Большой Лубянке, пределами которого, похоже, и ограничивалась в тот день его власть. У дома собралась огромная, возбужденная алкоголем и вседозволенностью толпа из представителей самых низших слоев общества. Услышав все громче раздававшиеся крики толпы, чтобы Ростопчин немедленно вел их на Три горы (а некоторые и вовсе кричали: «Федька — предатель, мы до него доберемся!»), он вышел на крыльцо и заявил: «Подождите, братцы! Мне надобно еще управиться с изменником!».

Тотчас Ростопчин приказал привезти арестованных купеческого сына Михаила Верещагина и учителя фехтования француза Мутона: «Обратившись к первому из них, я стал укорять его за преступление, тем более гнусное, что он один из всего московского населения захотел предать свое отечество; я объявил ему, что он приговорен Сенатом к смертной казни и должен понести ее, и приказал двум унтер-офицерам моего конвоя рубить его саблями. Он упал, не произнеся ни одного слова <...> Обратившись к Мутону, который, ожидая той же участи, читал молитвы, я сказал ему: “Дарую вам жизнь; ступайте к своим и скажите им, что негодяй, которого я только что наказал, был единственным русским, изменившим своему отечеству”». В рассказах очевидцев есть и другие свидетельства, показывающие, что первый удар саблей нанес сам Ростопчин.

Как бы там ни было, Ростопчин не имел полномочий убивать Верещагина, так как того согласно приговору магистрата от 17 июля 1812 года следовало подвергнуть наказанию кнутом и выслать затем в Нерчинск. Верещагин по какой-то причине оставался в московской тюрьме и не был эвакуирован вместе с другими заключенными. Не исключено, что Ростопчин заранее рассчитывал использовать его в самый последний момент — отдать на растерзание толпе, пожертвовав им ради своего спасения.

Воспользовавшись тем, что внимание толпы переключилось на несчастного Верещагина (его привязали к хвосту лошади и потащили по мостовой), Ростопчин кинулся на задний двор, сел в дрожки и был таков... А вот как он

сам описывает свой отъезд: «Я выехал не торопясь верхом чрез Серпуховскую заставу, и не прежде оставил городской вал, как уведомили меня, что Французский авангард вошел уже в город...»

В это время французские солдаты уже бодро вышагивали по Арбату, а московский градоначальник вмиг превратился в одного из тысяч москвичей, в панике и беспорядке покидавших город, устремляясь к дороге на Рязань: «Конные, пешие валили кругом, гнали коров, овец; собаки в великом множестве следовали за всеобщим побегом, и печальный их вой, чуя горе, сливался с мычанием, бляением, ржанием», — вспоминал Ф. Вигель. Тут-то посреди людского потока и встретились вновь два главнокомандующих, призванных защищать Москву. Но разговора не получилось. Пожелав «доброго дня», что выглядело как издевательство, Кутузов сказал Ростопчину: «Могу вас уверить, что я не удалюсь от Москвы, не дав сражения». Ростопчин ничего не ответил. А что он, собственно, мог на это сказать?

Лев Толстой так описывает их разговор:

Когда граф Ростопчин на Яузском мосту подсказал к Кутузову с личными упреками о том, кто виноват в гибели Москвы, и сказал: «Как же вы обещали не оставлять Москвы, не дав сраженья», — Кутузов отвечал: «Я и не оставлю Москвы без сражения».

Как только Ростопчин проехал заставу, раздалась три пушечных выстрела. Это в Кремле французы разгоняли горстку храбрецов, засевших в Арсенале и пытавшихся отстреливаться. Своеобразный артиллерийский салют прозвучал уже не в честь, а в память о Москве. Ростопчин расценил эти выстрелы как окончание своего градоначальства над Москвой: «Долг свой я исполнил; совесть моя безмолвствовала, так как мне не в чем было укорить себя, и ничто не тяготило моего сердца; но я был подавлен горестью и вынужден завидовать русским, погибшим на полях Бородина. Они умерли, защищая свое отечество, с оружием в руках и не были свидетелями торжества Наполеона».

2 сентября, вскоре после отъезда Ростопчина, в Москве начались поджоги, организованные по его же указанию. Мысль о сожжении Москвы, видимо, казалась ему вполне логичной после сожжения Смоленска. Недаром, после оставления русской армией Смоленска, 12 августа Ростопчин писал Барклаю:

Когда бы Вы отступили к Вязьме, тогда я возьмусь за отправление всех государственных вещей и дам на волю убраться, а народ здешний <...> *следуя русскому правилу* (курсив мой. — А. В.) — не доставайся злодею, — обратит город в пепел, и Наполеон получит вместо добычи место, где была столица <...> Он найдет пепел и золу.

В подтверждение своих слов Ростопчин непосредственно перед оставлением Москвы приказал вывезти из города все средства пожаротушения (девятью шесть пожарных труб), чтобы бороться с огнем было нечем.

Огонь ненависти к французам бушевал в душе Ростопчина и, разгоревшись до невообразимых размеров, перекинулся на всю несчастную Москву. Ненависть к врагу — качество хорошее, особенно если война идет на родной земле. Вопрос только в том, каким образом и в чем она должна воплощаться. У Ростопчина она воплотилась в принцип: «Так не доставайся же ты никому!» И потому Москву запалили уже в тот же день, как французы вошли в нее. Не успели французские генералы занять лучшие дома на Тверской улице и заняться переименованием городских площадей, как над многими районами появились клубы дыма. Прежде всего, загорелись склады с провиантом — на Никольской, Варварке, около Каменного и Яузского мостов, в Китай-городе, на Покровке и Солянке, в Лефортово...

Интересно, что даже будучи в отступе Федор Васильевич не оставлял любимого занятия — сочинения афиш. 20 сентября он посылает москвичам своеобразную политинформацию:

Крестьяне, жители Московской губернии! Враг рода человеческого, наказание Божие за грехи наши, дьявольское на-

важдение, злой француз взошел в Москву <...> Ужли вы <...> на его слова положитесь и дадитесь в обман врагу лютому, злодею кровожадному? <...> Оставайтесь, братцы, покорными христианскими воинами Божией Матери, не слушайте пустых слов! *Почитайте начальников и помещиков; они ваши защитники, помощники, готовы вас одеть, обусть, кормить и поить.* Истребим достальную силу неприятельскую, погребем их на Святой Руси, станем бить, где ни встренутся. Уж мало их и осталось, а нас сорок миллионов людей, слетаются со всех сторон, как стада орлиныя. Истребим гадину заморскую и предадим тела их волкам, вороньям...

Что бросается в глаза в этой, в общем-то, беспомощной афише, так это фраза о помещиках-защитниках, за которой скрыта такая важная тема, как возможная отмена крепостного права Наполеоном, неотступно волновавшая дворянское сословие. Наиболее яркие представители его выражали общее опасение, что крестьяне, питавшиеся слухами и домыслами, вполне могут клюнуть на эту удочку. Не случайна и одна из последних фраз этого послания Ростопчина: «Он (царь. — А. В.) вас опять восстановит по-прежнему, и вы будете припеваючи жить по-старому».

В Москву Ростопчин вернулся 24 октября 1812 года и стал, насколько это было возможным, восстанавливать порядок в городе. Поначалу необходимо было накормить и обогреть переживших французскую оккупацию москвичей: по сведениям Ростопчина, в Москве к его приезду находилось до полутора тысяч человек «из бедного состояния народа в величайшей нужде: они были помещены по квартирам, одеты и кормлены в продолжение целого года на счет Казны». Следовало также наладить продовольственное снабжение армии, оказать помощь погорельцам в восстановлении домов и т. д.

Неудивительно, что решение такого большого числа проблем негативно отразилось на здоровье графа, у него участились обмороки и затяжная депрессия. Он «занемог» еще в октябре 1812 года, увидев, во что превратилась Москва. Рассуждать о «русском правиле» — это одно, а увидеть его практическое воплощение — совсем другое.

Физические недуги обострились нравственными. Москвичи всю вину за потерю своего имущества возложили на Ростопчина. В открытую бранили его, независимо от сословной принадлежности, — на рынках и площадях, в салонах и в письмах. О том, чтобы использовать довоенные методы управления, не было и речи — он не мог уже без охраны ходить по улицам. Отпала надобность и в агентах, Ростопчин и так знал, что авторитет его у москвичей — минимальный.

Характерный пример — письмо московской дамы Марии Волковой к своей петербургской родственнице Варваре Ланской от 8 августа 1814 года:

Если бы ты знала, какое вы нам окажете одолжение, избавив нас от прекрасного графа! Все его считают сумасшедшим. У него что ни день, то новая выходка. Несправедлив он до крайности. Окружающие его клеветы, не стоящие ни гроша, действуют заодно с ним. Граф теперь в Петербурге. Как его там приняли? Сделайте одолжение, оставьте его у себя, повысьте еще, ежели желаете, только не посылайте его к нам обратно.

А ведь еще в июне 1812-го та же Волкова писала, что «Ростопчин — наш московский властелин <...> у него в тысячу раз более ума и деятельности»¹⁵. Как быстро менялся ветер общественного мнения!

После пожара граф сделал для Москвы несравнимо больше, чем в те несколько месяцев, что он успел совершить до французского нашествия. Но москвичи не простили ему пожара, связав с ним все свои беды и горести: «У Ростопчина нет ни одного друга в Москве, и там его каждый день клянут все. Я получил сотни писем из Москвы и видел много людей, приехавших оттуда: о Ростопчине существует только одно мнение», — писал Н. Лонгинов из Петербурга 12 февраля 1813 года С. Воронцову.

¹⁵ Из писем М. А. Волковой В. И. Ланской, 1812—1818 гг. // Российский Архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Альманах. Т. XV. М.: ТРИТЭ, 2007. С. 562.

Мы не случайно привели мнение именно петербургского жителя, приближенного ко двору, где к этому времени уже сформировалось мнение о необходимости смены ряда ключевых политических фигур. Востребованная накануне войны консервативная идеология уже не отвечала политическим реалиям. Авторитет Александра, въехавшего в Париж победителем, был как никогда высок. Вспомним, что назначение Ростопчина и его соратников было вызвано именно политическими причинами. Теперь эти же причины повлекли и обратный процесс.

30 августа 1814 года Ростопчин сошел с политической сцены, и уже навсегда. Во время прощального визита к императору он было хотел просить у него о новом месте службы в Варшаве для сына Сергея, довольно часто огорчавшего его своим поведением и образом жизни, но отложил эту просьбу на неопределенное время. Куда уж тут просить о сыне — самому бы не остаться у разбитого корыта. Напоследок, правда, император наделил Ростопчина полномочиями члена Государственного совета, впрочем, не имевшего почти никакого влияния.

А тем временем здоровье графа ухудшилось, что вынудило его в следующем, 1815 году отправиться за границу: «Мне надо было ехать, доктора посылали меня на воды. Это последнее средство гипократов и последняя надежда больных. Я не был опасно болен, но целый год и семь месяцев не был здоров»¹⁶.

Многого насмотрелся Ростопчин в Германии и Великобритании, но основное внимание его вновь было отвлечено ненавистными французами. Неприязнь вызывал уже сам язык, который Ростопчин назвал «нравственной чумой рода человеческого». При том, что сам он писал на французском! Во Франции осенью 1816 года он и осел.

К своему удивлению, Ростопчин встретил на Западе очень теплый и радушный прием. Ему буквально не дава-

¹⁶ *Ростопчин Ф. В.* Из путевых записок 1815 года // *Ростопчин Ф. В.* «Ох, французы!» М.: Русская книга, 1992. С. 110.

ли прохода. Насколько сильно не любили его на родине, настолько же крепкой была любовь к легендарному московскому генерал-губернатору за рубежом. Куда бы он ни приезжал, всюду с ним хотели встретиться первые люди государства. Аудиенцию ему давали французский, прусский и английский короли. Последний — Георг IV — прислал ему личное приглашение и даже подарил графу полотно великого Леонардо да Винчи.

В Лондоне в честь него назвали улицу, в Париже, как только Ростопчин входил в театральную ложу, зрители аплодировали ему. То, что не получил он от москвичей, в полной мере дали ему за границей. Но и здесь перо его не дремало. В изданной во Франции, а затем и в Москве в 1823 году книге «Правда о пожаре Москвы» он благородно снимает с себя ответственность за пожар Москвы («главнейшую причину истребления неприятельских армий, падения Наполеона, спасения России и освобождения Европы»), не желая «присваивать» себе чужую славу. По его мнению, поджигатели Москвы — это и есть сами москвичи.

Чтение этой книги представляет собою крайне любопытное занятие. С присущей слогу Ростопчина витиеватостью он буквально ставит с ног на голову всю историю Отечественной войны 1812 года, касающуюся эпизодов с его участием. Не давая Наполеону возможности оправдаться против обвинений, выдвинутых в этой книге, Федор Васильевич тем не менее написал ее по-французски. Перевод же на русский язык был сделан А. Волковым и посвящен баснописцу Ивану Дмитриеву, что довольно символично — ведь многое из того, что писал Федор Васильевич, также можно назвать баснями, которыми граф кормил своего читателя.

Одиннадцать лет понадобилось бывшему московскому генерал-губернатору, чтобы собраться с силами и написать в свое оправдание следующие строки:

Протекло десять лет со времени пожара Москвы, и я всегда представляю потомству и Истории как изобретатель такого происшествия, которое, по принятому мнению, было главнейшею причиною истребления неприятельских армий,

падения Наполеона, спасения России и освобождения Европы. Без сомнения, есть чем возгордиться от таких прекрасных названий; но, не присваивая себе никогда прав другого и соскучась слышать одну и ту же басню, я решаюсь говорить правду, которая одна должна руководствовать Историей.

Насколько же туманно излагает Ростопчин свои мысли! Уже в первом абзаце чувствуется двойственность: с одной стороны — пожар, с другой — главная причина истребления неприятельских армий. Но ведь это не одно и то же. А как же армия, осуществившая под руководством Кутузова разгром Наполеона?

Ростопчин продолжает: «Дабы выдумать и исполнить предприятие столь ужасное, каково есть сожжение столичного города Империи, надлежало иметь причину гораздо важнейшую, чем уверенность во зле, могущем от того произойти для неприятеля». Иными словами, по мнению Ростопчина, нет такой причины, которая могла бы заставить его поджечь Москву, потому как занятие ее французами как раз такой причиной не является. Интересно, что и Наполеон в своих воспоминаниях также не мог понять: это какую же цель надо преследовать, чтобы поджечь свою древнюю столицу? Ради чего, собственно?

Граф называет имя главного виновника страшного пожара — ветер: «Совершенно было не возможно, чтобы пожар мог распространиться по всем частям города, и если бы не случилось жестокого ветра, огонь сам бы по себе остановился по причине садов, пустых мест и бульваров. Таким образом, истребление жизненных припасов, находящихся в домах, которые могло бы пожрать пламя, было бы единственным злом для неприятеля и горестным плодом меры, сколь жестокой, столько же и неблагоприятной».

Вопрос о жизненных припасах является болезненным для московского главнокомандующего, потому как вывезти удалось немного. Сумма убытков по заключению специальной комиссии составила 321 миллион рублей!

Вернемся, однако, к оправданиям Ростопчина. Он отвергает обвинения, что по его приказу в печах его дома были заложены петарды: «Для чего мне было класть петарды в моем доме? Принимаясь топить печи, их легко бы на-

шли, и даже в случае взрыва было бы только несколько жертв, а не пожар <...> если действительно нашли несколько патронов в печах моего дома, то они могли быть положены после моего выезда, чтобы чрез то подать еще более повода думать, что я имел намерение сжечь Москву». Однако французы утверждали, что попытки затопить печи в занятых ими домах нередко приводили к взрывам из-за заложенного там ранее пороха.

Но самым главным объяснением причин пожара Ростопчин называет инициативу самих оставшихся в городе москвичей: «Главная черта русского характера есть не корыстолюбие и готовность скорее уничтожить, чем уступить, оканчивая ссору сими словами: не доставайся же никому. В частых разговорах с купцами, мастеровыми и людьми из простого народа я слышал следующее выражение, когда они с горестью изъявляли свой страх, чтоб Москва не досталась в руки неприятеля: лучше ее сжечь».

Итак, Ростопчин пишет, что никакого плана поджога Москвы у него не было, а было лишь три причины, воспламенявших беспрестанно его рвение: «Это была слава моего Отечества», «важность поста, препорученная мне Государем» и «благодарность к милостям Императора Павла I-го». Что же касается пожара, то виноват в нем все тот же Наполеон, снабдивший графа «зажигательным факелом, которым угодно было для собственных своих выгод вооружить мою руку».

Истинная правда о пожаре Москвы заключается в другом. Именно Ростопчин и давал указания, что и когда поджигать. Поджог Москвы осуществлялся системно. И запалили город не бродяги, как называли их французские бюллетени, выходявшие в Москве в сентябре 1812 года. Бродяги вряд ли способны были на столь организованную, одновременную и слаженную работу. Поджигали Москву дворяне, агенты полиции, ремесленники, священники, переодетые в простоллюдинов, нацепившие на себя парики и бороды, веером рассеявшиеся по Москве. Одни распространяли огонь факелами и пиками, вымазанными смолой, другие закладывали в печках оставленных домов гранаты, взрывавшиеся, когда французы пытались развести в них огонь...

Ценнейшим источником для потомков является «Записка» бывшего следственного пристава Прокофия Вороненко, написанная им в 1836 году. Этот чиновник привлекался Ростопчиным к организации московских пожаров 2 сентября 1812 года. Вот что он сообщает:

2-го сентября в 5 час. пополуночи он (Ростопчин — А. В.) поручил мне отправиться на Винный и Мытный дворы, в Комиссариат и на не успевшие к выходу казенные и партикулярные барки у Красного холма и Симонова монастыря, и в случае внезапного наступления неприятельских войск стараться истреблять все огнем, что мною и исполнено было в разных местах <...> до 10 часов вечера¹⁷.

Ростопчин приказал поджечь даже дом Протасовых — родственников своей жены, что жили на Пречистенке¹⁸.

Есть один интересный момент в книге Ростопчина: «Столица вновь выстроилась — доказательство, что ее жители не разорились. Она заключает в себе столько же жителей, как и прежде пожара, с тою только разницей, что все выстроено из камня. Великолепные Дворцы, улицы совершенно новые и превосходные публичные площади делают ее прекраснейшим городом в Европе». Тем самым Федор Васильевич как бы отвечает неблагоприятным москвичам, выжившим его из Москвы: действительно, ведь отстроились же заново, значит, есть на что строить! Здесь вспоминается незабвенный грибоедовский Скалозуб с его девизом: «Пожар способствовал ей много к украшенью!» В данном случае Ростопчин и Скалозуб — единомышленники.

Заканчивается книга откровений так:

Таков был 1812 год! Хотя Россия сделала большие потери в людях, но вместе с тем приобрела уверенность, что нико-

¹⁷ 1812 год в материалах и документах. М.: Наука, 1995. С. 93.

¹⁸ Воспоминания Е. И. Елагиной и М. В. Безр // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. Т. XIV, 2005. С. 276.

гда не может быть покорена, и скорее будет гробом для врагов, чем послужит завоеванием. Ее обитатели, слишком малообразованные для эгоистов, будут уметь защищать свое Отечество, нимало не тщеславясь своею храбростью. Я сказал правду, и одну только правду.

Граф Федор Ростопчин. Париж, 5 Марта 1823

Столько раз употребив в книге слово «правда», автор, тем не менее, полной правды и не сказал!

Но это не единственное произведение графа того года, свои критические мысли относительно французской нации Ростопчин сформулировал в записке «Картина Франции 1823 г.», направленной автором Александру, который вряд ли в ней нуждался. Читая записку, приходишь к выводу, что в мировоззрении Федора Васильевича ничего не изменилось: нет на свете худшего народа, чем французский: «Француз — самое тщеславное и корыстное существо в мире» и т. д. И как только он выдержал, проживая среди окаянных галлов почти семь лет!

Граф вернулся на родину в середине 1823 года. В Москве уже успели позабыть о претензиях к бывшему генерал-губернатору. Многие чиновники пришли засвидетельствовать ему свое почтение. Узнававший Ростопчина простой народ на улицах подходил к нему, жалел своего состарившегося бывшего градоначальника. В декабре того же года было удовлетворено и его прошение об отставке с государственной службы.

За месяц до своей смерти Ростопчин узнал о восстании на Сенатской площади, высказавшись по этому поводу вполне остроумно: «В эпоху Французской революции сапожники и тряпичники хотели сделаться графами и князьями; у нас графы и князья хотели сделаться тряпичниками и сапожниками».

Скончался Федор Васильевич Ростопчин 18 января 1826 года, похоронили его на Пятницком кладбище Москвы.

Начав историю жизни Ростопчина с его автобиографических записок, ими по праву можно было бы ее и закончить: «Я ожидаю смерти без боязни и без нетерпения. Моя жизнь была плохой мелодрамой с роскошной обста-

новкой, где я играл героев, тиранов, влюбленных, благородных отцов, но никогда лакеев».

Но не в плохой мелодраме он получил свою роль, а в великом романе «Война и мир». Ростопчин стал для Льва Толстого олицетворением крикливого и показного патриотизма, проявлявшегося в его высокопарных речах и шумливых афишах. Вместе с тем патриотизму Ростопчина писатель противопоставил скрытое чувство любви к отечеству русских людей, которое обнаруживалось, когда они лицом к лицу сталкивались с врагом и отказывались вступать с ним в какие-либо соглашения, пока он не будет изгнан из пределов родины¹⁹.

Одним из немногих вступившихся за Ростопчина был П. Вяземский, посчитавший, что Толстой искажил образ графа. Вяземского поблагодарил сын Ростопчина за то, что критик «заступился за память осмеянных и оскорбленных отцов наших» и восстановил «истину» об его отце.

П. Вяземскому принадлежит и наиболее точная характеристика Ростопчина:

Между тем в графе Ростопчине было несколько Ростопчиных. В Ростопчине, сверх русским свойственной восприимчивости и гибкости, была еще какая-то особенная и крепко выдающаяся разноплеменность. Он был коренной русский, истый Москвич, но и кровный Парижанин. Духом, доблестями и предубеждениями был он того закала, из которого могут в данную минуту явиться Пожарские и Миныны; складом ума, остроумием, был он, ни дать ни взять, настоящий Француз. Он французов ненавидел и ругал на чисто-Французском языке; он поражал их оружием, которое сам у них заимствовал. В уме его было более блеска, внезапности, нежели основательности и убеждения²⁰.

Ростопчин писал, что никогда лакеем не был. И в этом он не покривил душой. Граф был из той редкой породы

¹⁹ См.: Гудзий Н. К. Лев Толстой: Критико-биографический очерк. М.: Художественная литература, 1960. С. 71.

²⁰ Вяземский П. А. Указ. соч. С. 69.

политиков, что всегда отстаивали свое мнение, невзирая на лица. Но это же отсутствие гибкости и превратило его политический опыт в забег на короткие дистанции: пять лет при Павле, два года при Александре... А он-то рассчитывал на большее, не считаясь с политической конъюнктурой, которая и является главным двигателем карьерного роста во все времена.

Просидев десять лет в отставке, он потерял время, оставшись все тем же вельможей павловской эпохи. Его взгляд на мир и убеждения не поменялись. В 1812 году Ростопчин вернулся, но эпоха-то была уже другая! Похоже, граф не понял этого и продолжал с упорством, достойным лучшего применения, не только отстаивать свои принципы, но и воплощать их на практике.

Государственная не востребованность Ростопчина и породила его публицистическую активность. Кажется, что, управляя Москвой, он даже терял ориентацию в жизненном пространстве: то ли он государственный чиновник, то ли пламенный народный трибун? В этой связи вспоминаются слова К. Батюшкова, сказавшего еще по поводу «Мыслей вслух на Красном крыльце Российского дворянина Силы Андреевича Богатырева»: «Любить отечество должно <...> но можно ли любить невежество?»

Отдавал ли себе отчет Ростопчин, что его Сила Андреевич, его «ернические» (Л. Толстой) воззвания могут породить вопросы, подобные батюшковскому? Во всяком случае, сочиненная им надгробная эпитафия меньше всего дышит убежденностью в правоте дела, которому он посвятил жизнь:

Здесь нашел себе покой,
С пресыщенной душой,
С сердцем истомленным,
С телом изнуренным,
Старик, переселившийся сюда.
До свиданья, господя!